

Аmineва Венера Рудалевна

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ И ГЕРОЙ В ПОВЕСТИ А. ЕНИКИ "НЕВЫСКАЗАННОЕ ЗАВЕЩАНИЕ"

В статье определяются типы субъектных структур, которые формируются в рассказе А. Еники "Невысказанное завещание", с точки зрения взаимодействия в них речевых сфер автора и героя. Установлены закономерности, соответствующие преобладанию плана персонажа или "голоса" автора в повествовании. Сделан вывод о формировании в прозе писателя неклассического типа художественного целого.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 1. С. 12-14. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.1/-9

В статье определяются типы субъектных структур, которые формируются в рассказе А. Еники «Невысказанное завещание», с точки зрения взаимодействия в них речевых сфер автора и героя. Установлены закономерности, соответствующие преобладанию плана персонажа или «голоса» автора в повествовании. Сделан вывод о формировании в прозе писателя неклассического типа художественного целого.

Ключевые слова и фразы: татарская проза 1960-х гг.; субъектная сфера; субъектный неосинкретизм; замещенная прямая речь; психологизм; жанр.

Аминева Венера Рудалевна, д. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
amineva1000@list.ru

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ И ГЕРОЙ В ПОВЕСТИ А. ЕНИКИ «НЕВЫСКАЗАННОЕ ЗАВЕЩАНИЕ»

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-14-16010).

Творчество А. Еники (1909-2000 гг.) представляется достаточно изученным в литературоведении. В трудах Ф. Мусина, Р. Мустафина, Г. Халита, Ф. Хатинова, Р. Сверигина, Р. Салихова, Ф. Галимуллина, Э. Нигматуллина и др. рассмотрены образно-тематическое содержание произведений писателя и их жанрово-стилистические особенности. Особо выделим работы А. Карамовой, А. Мотигуллиной, Д. Ибатуллиной, Г. Гайнуллиной, в которых исследуются используемые писателем принципы и приемы психологического изображения. Характеристика форм повествования в прозе А. Еники содержится в диссертации Д. Э. Ибатуллиной. Ею выделены разные варианты отношения между субъектами сознания и речи и установлена следующая закономерность: «...наиболее характерным для писателя является построение повествовательного текста как отношение одного субъекта речи к двум субъектам сознания...» [9, с. 14]. Д. Ф. Загидуллина доказывает, что в творчестве А. Еники начинается активный поиск путей обновления татарской литературы [8, с. 186-211], и обращает внимание на то, что в прозе писателя возрождается характерное для татарской литературы начала XX в. качество – синтетизм философской и художественно-эстетической мысли [Там же, с. 187-188].

Формы и характер взаимодействия «голоса» персонажа и авторского контекста как та сфера, в которой наиболее ярко проявляются механизмы формирования неклассической парадигмы художественности¹, – проблема, недостаточно изученная как в теоретико-методологическом, так и в конкретно-историческом аспектах. Актуальность исследования определяется необходимостью теоретического осмысления художественно-эстетической природы новых явлений в современной татарской литературе, их истоков и особенностей функционирования. Предметом анализа стала субъектная архитектура рассказа «Эйтелмэгэн васыять» («Невысказанное завещание», 1965) – знакового в творчестве писателя 1960-х гг. произведения, одного из ключевых текстов татарской литературы этого периода. На концепцию проводимого исследования оказали влияние труды, в которых раскрываются принципы организации субъектной сферы в литературе [4; 5; 11], а также выразительные возможности различных типов повествования [9].

Центральное сюжетное событие рассказа – болезнь и смерть Акэби – становится испытанием для всех героев и выявляет мучительный разрыв естественной связи поколений. Акэби – хранительница векового опыта своего народа, его нравственных заветов – противопоставляется детям, утратившим причастность к своим корням, забывшим обычаи и традиции предков. Соответственно, в повести используются разнообразные формы субъективированного повествования о чувствах, мыслях, переживаниях Акэби, с одной стороны, и прямой безличной рассказ о ее детях и их отношении к умирающей матери – с другой. Границы между субъектными сферами повествователя и героини оказываются размытыми благодаря таким приемам психологического изображения, как внутренний монолог, замещенная прямая речь², психологическое описание и психологическое повествование. Связь между главным субъектом речи и героиней закрепляется ее органической причастностью к эпическим, трагическим и лирическим тенденциям повествования. Акэби выступает как субъект сознания, не отграниченного от сознания автора, однако характер соотношения точек зрения повествователя и персонажа меняется.

¹ Субъектная сфера произведений татарских поэтов 1960-1980-х гг. в данном аспекте анализируется в ряде статей [1; 2].

² Она «предполагает одинаковую направленность интонаций как авторской, так и замещаемой (возможной, должной) речи героя» [3, с. 433].

Автор проецирует жизнь Акэби в деревне Юлкотлы до болезни на природно-временные циклы, выявляя цепь эмоционально-психологических контрастов и повторений. Психологическое описание и психологическое повествование воссоздают основные душевные состояния героини с максимальной приближенностью к ее речевой зоне. Прежде всего, это переживаемое с исключительной интенсивностью горькое чувство своего одиночества – покинутости детьми, отсутствия эмоционально-психологической связи с ними. «Ялгыз башын монда асраса да, күнеле белнн ул һаман шул балалары янында иде. Шуларны уйлап, шуларны сагынып, шыксыз озын көзләре дэ, салкын кышларны да уздырып жибәрә...» [7]. / «Живя здесь, душой она была далеко отсюда, со своими детьми. О них думая, по ним тоскуя, она проводила и неудобную долгую осень, и холодные зимние месяцы, терпеливо ждала лета...» [6]. Акэби находится во власти еще одного тяжелого и безысходного переживания – состояния тревоги, вызванного разрушением духовно-нравственных и национально-культурных корней: дети забывают о родных местах, приезжают в Юлкотлы неохотно и на короткий срок.

В субъективированных формах повествования о жизни Акэби в доме дочери начинает преобладать точка зрения субъекта речи, критически оценивающего ее детей и внуков. Как ни дороги бабушке сыновья и дочери Суфияна, она не может не чувствовать, какими странно-чужими они стали для нее. Внуки не знают башкирского языка и не могут понять того, что Акэби хотела бы им сказать. Замещенная прямая речь героини о том, как дорог и близок ей внук Геннадий, какую глубокую и мучительную любовь к нему она носит в сердце, завершается горьким упреком Суфияну, не научившему детей башкирскому языку, в котором доминирует голос автора-повествователя. По отношению к сыну и дочери Акэби он настроен гораздо более критически, чем любящая и гордящаяся своими детьми мать: «Ах, бу тел юклығы!.. Карчыкның тел өйрәнер вакыты күптән үткән шул инде, әмма ник бу Суфиян, юньсез, балаларына, ичмасам, әбиләренә дэшә алырлык кына үзбездә берничә дистә сүз өйрәтмәде икән соң?!» [7]. / «Ах, как трудно без языка!.. Поздно уж старухе учиться чужому языку, ну, а Суфиян, неужто он, негодник, не мог заставить детей выучить хотя бы несколько слов по-нашему, было бы им что сказать своей бабушке?!» [6].

Психологическое повествование о чувствах, которые испытывает бабушка, когда к ней заходят шестилетний внук Равиль и четырехлетняя Гузель, стилистически и интонационно максимально приближено к речевой зоне героини: «Бичара карчыкның күзләре яшь белән тулып китә бу жанга якын, тансык, кадерле “Әбекәем” не ишеткән чакта. Бик ярата, өзәлеп ярата ул шушы түм-түгәрәк битле, кап-кара күзле йомшак, пакь, татлы оныгын! Үз йөрәгедәй якын ул аңа» [7]. / «Лишь она так мило и трогательно называла ее “бабуленькой”. Когда старуха слышала это желанное, бесценное для нее, берущее за душу слово, глаза наполнялись слезами. Уж очень она привязалась, болезненно привязалась к этой своей внучке. Такая она была вся мягонькая, чистенькая – ее девочка с круглым личиком и черными-черными глазами! Больше жизни любила она ее» [6]. Аналогично строится и описание душевного состояния Акэби, когда она под звуки доносящегося из телевизора курая и старинных башкирских песен погружается в мир дорогих ей воспоминаний о прошлом. Стилистическими маркерами «голоса» персонажа являются слова с уменьшительными аффиксами, эмоционально-экспрессивная лексика, отражающая устную разговорную речь.

Средствами замещенной прямой речи А. Еники передается содержание и структуру психологического процесса, отмеченного признаками глубочайшей самоуглубленности: это ассоциативное течение мыслей и образов, воспоминания, картины, которые возникают в воображении Акэби, когда она понимает, что ей не суждено вернуться в родной аул. Из всего многообразия зрительных впечатлений выделяются те, в которых проявляется своеобразие индивидуальной реакции человека на явления внешнего мира. Горестные мысли и переживания героини, распространяясь на дорогой ей мир, формируют единое с ним пространство субъективности. В этом мире господствует представление о некоей неизбежности, силе обстоятельств, судьбе, которой подчиняется все сущее: «Юк, күрмәс инде ул аларны – туып-үскән Юлкотлысын да, гомер иткән өен дэ, күршеләрен дэ, терлекләрен дэ – берсен дэ яңадан күрә алмас инде!» [7]. / «Не видать ей больше Юлкотлы, и дома своего, в котором вся жизнь прожита, и добрых соседей, и бедную скотинушку...» [6]. С этого момента душевное состояние Акэби определяется одной настойчивой потребностью – высказать свою последнюю просьбу, обращенную к детям. Исполнение завещания символизирует духовное единение близких людей, означает их включенность в пространство внеличных ценностей, органическую причастность к народно-национальным первоосновам бытия. Поэтому наказу матери придается сакральный смысл – его нельзя не выполнить.

В пространном внутреннем монологе Акэби, обращенном к сыну Суфияну и дочери Гульбике, вновь доминирует риторико-публицистическая интенция автора-повествователя. Ей соответствует высокий стиль, передающий значительность и напряженность раздумий матери о детях. Этот пространственный монолог восходит к традиции насихатов¹ и синтезирует в себе несколько жанровых стратегий. Монолог начинается и завершается похвалой сыну и дочери. Однако этой тенденции противостоит другой жанрово-стилевой поток – дидактически-нравоучительный, генетически восходящий к концепции «адаба», определяющего систему исламского воспитания. В соответствии с этой традицией очистить и просветлить душу человека способно лишь то, что упорядочено и гармонизировано, поэтому мать напоминает детям о красоте родных мест, рассказывает башкирскую народную сказку о сыне хана Зыятуляке и дочери подводного царя Сусылу, которая объясняет происхождение чудесного озера и растущей на вершине горы спаренной березы. Постепенно внутренний монолог, отражающий мысли и настроения героини, переходит в речь, формально отграниченную от слов повествователя, но ориентированную на его точку зрения, передающую его мироощущение,

¹ Насихат (с арабского – «назидание», «наставление», «нравоучение») – «в средневековой персидской и тюрко-татарской литературах поэтическое, прозаическое или смешанное произведение дидактического содержания. В афористической, образной форме читателю даются совет, наставление, назидание» [12, с. 368].

взгляды, оценки. Интонационно-ритмический строй этого высказывания характеризуется обилием разнообразных «риторических» приемов выразительности, звучащих в речевой зоне повествователя. Например: «Ике сүзнец берендә “туган ил” дисез, ә Юлкотлы нәрсә соң? Туган илнең сезгә иң яқын, иң кадерле бер өлеше түгелмени ул?...» [7]. / «Через каждые два слова повторяете “родина”, а что же, по-вашему, Юлкотлы? Разве она для вас не самый близкий, не самый дорогой уголок родины?...» [6].

В размышлениях о подлинных и высоких ценностях: Родине, народе, истоках – используется лексика, традиционно обладающая большим общественным содержанием и обозначающая две важнейшие сферы: общее и частное, народ в целом и жителей одного конкретного аула Юлкотлы, характеристика которых окрашена интонациями героини. Слова героини и повествователя объединяются в форме обобщенно-личного сознания – сознания людей, резко осуждающих забвение детьми своего долга перед родителями. Отсюда – обличительный пафос и соответствующая ему эмоциональная напряженность речи, ее страстная публицистичность. Инвективу сменяет учительный, назидательный по своей коммуникативной установке дискурс – воспроизводится история бедного пастуха, который разбогател и стал купцом, но хранил на стене моленной комнаты старые лапти и пастушеский кнут, напоминая ему о голодных годах юности. Завершается этот монолог прямым волеизъявлением человека, стоящего на пороге между жизнью и смертью и произносящего свои последние самые главные слова. В этом взволнованном обращении к детям с наибольшей силой выразилась активность душевного строя героини.

Внутренняя речь Акэби в завещании не только органически сплавляется с тонкими психологическими комментариями автора-повествователя, но и становится выражением его убеждений и восходит к древнейшим пластам национального культурно-исторического миропонимания. Национальная философия бытия и драматический опыт взаимоотношения поколений в пределах одной семьи, оказавшейся перед угрозой выпадения из цепи родовой преемственности, раскрываются и через многосубъектную организацию повествования, вбирающего в себя голоса не только повествователя и героини, но и собирательной народной общности («говорят», «называли»).

Таким образом, повествование, формально построенное от третьего лица, характеризуется высокой степенью синкретизма речевых перспектив автора и героя, отсутствием четких границ между ними. Доминирование субъектных структур, в которых происходит интерференция двух речевых сфер, способствует уменьшению дистанции между автором и персонажем, читателем и героем. Прослеживается следующая закономерность: углублению психологического анализа соответствует перевес плана персонажа в повествовании, усиление дидактически-назидательной тенденции отражается в замещенной прямой речи, в которой преимущественно слышен «голос» автора. Семантические особенности последней формы утверждают традиционный для татарской литературы авторитет авторской позиции. Вместе с тем в рамках традиционного нарратива происходит важное для исторической поэтики татарской литературы формирование субъектного неосинкретизма, ведущего к изменению классического статуса автора и героя.

Список литературы

1. **Аmineva В. Р.** Образные языки авангардной лирики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 4. Ч. 2. С. 32-35.
2. **Аmineva В. Р.** Субъектный неосинкретизм как элемент постклассической картины мира // Филологическая регионалистика. Тамбов: Тамбовское областное филологическое общество, 2015. № 1-2 (13-14). С. 7-15.
3. **Бахтин М. М.** Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998. 607 с.
4. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
5. **Бройтман С. Н.** Историческая поэтика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 320 с.
6. **Еники А.** Невысказанное завещание [Электронный ресурс] // Татарская электронная библиотека. URL: <http://kitap.net.ru/eniki/7-9.php> (дата обращения: 18.05.2016).
7. **Еники А.** Әйтелмәгән васыять [Электронный ресурс] // Татарская электронная библиотека. URL: <http://kitap.net.ru/eniki/5.php> (дата обращения: 18.05.2016).
8. **Зәһидуллина Д. Ф.** 1960-1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр. Казан: Татарстан китап нәшр., 2015. 383 б.
9. **Ибатуллина Д. Э.** Поэтика прозы Амирахана Еники: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 1993. 22 с.
10. **Кожевникова Н. А.** Типы повествования в русской литературе XIX-XX вв. М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1994. 335 с.
11. **Корман Б. О.** Избранные труды. Теория литературы. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2006. 552 с.
12. **Татарская энциклопедия:** в 6-ти т. Казань: Ин-т татарск. энциклопедии АН РТ, 2008. Т. 4. М-П. 768 с.

NARRATOR AND PERSONAGE IN THE STORY BY A. ENIKI “UNVOICED TESTAMENT”

Amineva Venera Rudalevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
amineva1000@list.ru

The article identifies the types of subjective structures formed in the story by A. Eniki “Unvoiced Testament” and analyzes them considering the interaction of the author’s and the personage’s verbal spheres. The paper discovers the principles presupposing the domination of the personage’s plane or the “author’s voice” in the narration. The researcher concludes on the formation of the non-classical type of the artistic whole in the writer’s prose.

Key words and phrases: Tatar prose of the 1960s; subjective sphere; subjective neo-syncretism; replaced direct speech; psychology; genre.